

26 ІЮН 1986

МОСКОВСКИЙ ЦИРКОВОЙ
г. Москва

Он говорит, аккомпанируя себе жестами. Серьезный такой: сразу видно — анекдот рассказывает.

«Оказался я как-то на автостанции во время обеденного перерыва. Мастера узнали меня, стали спрашивать: «Как программа в цирке? Посмеяться-то есть чему?». Я отвечаю: «Да вроде хорошая, народ ходит». А один мастер говорит: «Мы на днях тут так хорошо посмеялись! Вас не хватало. Хотите, рассмешим?» И рассказали такую историю.

Стояли они после работы на остановке, ждали троллейбуса. К ним подошел прилично одетый молодой парень и сказал: «Соберите мне на бутылку — я вас развеселю». Они собрали. Подъезжает троллейбус, парень быстро отвязывает веревку и оттягивает дугу от проводов. В этот момент мимо проходит пожилой мужчина с портфелем. Парень протягивает ему веревку и просит: «Подержите, пожалуйста». Мужчина берет. Обесточенный троллейбус не может отъехать.

Выскакивает злой водитель, подбегает и начинает кричать. Прохожий спокойно отвечает: «А я помогаю...». «Кому? — орет водитель, еще больше распаясь от такой

— В отличие от театра, в цирке давно уже существует хозрасчет. Два искусства — кино и цирк — сами себя окупают, кормят и дают государству миллионы.

Искусство надо беречь — и театральное, и цирковое. А у нас его не берегут. Почему-то на первое место ставят наши успехи, только когда мы выполняем план.

И всегда все страшно переживают из-за плана.

Мне понравилось: когда приехали китайские артисты в Москву, им сказали: вы будете выступать в новом цирке, каждый день — представление, в субботу — два, в воскресенье — три, выходной — понедельник. Они говорят: не-ет, мы будем работать только один раз в день, и все. И один выходной. Это у нас искусство. Артист может устать, ему трудно.

Вот так надо беречь. Ведь когда три представления в день, артист уже не может показать как следует все, что умеет. Они правы.

Я вспоминаю школьные каникулы в цирке. Это сейчас по три представления. А когда я еще выступал на манеже, мы работали и по четыре раза в день. Пятнадцать дней! Это же ужас — без выходных.

ИНТЕРВЬЮ «МК»

«НА КОВЕР!..»

наглости. — Я из графика вышел. Хулиган!». И бьет прохожего в ухо. А тот дает сдачи. И начинается драка. Мастера, которые за всем этим наблюдают, смеются до упаду. Довольны, что не зря деньги собирали.

А среди них был один молодой парень, подмастерье, который, как и я, слушал эту историю и вдруг говорит так грустно-грустно: «Если б мне дали подержать — я ведь тоже держал бы. И меня бы били, что ж смешного-то?».

Мне показалось, что, если бы в тот момент мимо троллейбуса проходил Никулин, он и сам наверняка подержал бы веревку.

Мы сидим в его временном директорском кабинете, куда перешел он после того, как здание цирка было разрушено. На столе два телефона — красный и зеленый. Когда звонит один — он хватается трубку другого. Как человек, который еще не привык или никак не привыкнет ни к этим телефонам, ни к своему директорству. Но человек ответственный. Поручили — будет делать. Ответственно берет трубку и так же ответственно говорит. Никулин — директор.

Не похож он внешне на начальника, администратора. Его скорее представляешь в домашнем халате, в уютном кресле у телевизора, с журналом или книгой в руках. Добрый, благодушный, седой. Никулин — домашний человек.

Он, когда вспоминает, говорит о себе почему-то в третьем лице: клоун Никулин. Слово это имя уже для истории и никакого отношения к нему, сегодняшнему, не имеет. И сегодняшний Юрий Владимирович, кажется, готов проанализировать, какой вклад в развитие цирка внес тот Юрий Никулин. И не только в развитие цирка. Он и дерево посадил, и потомство оставил, и книгу написал, и... директором стал.

— ЮРИЙ Владимирович, вы сейчас, как хозяин в ожидании нового дома, во временном кабинете. Когда же снова на Цветном бульваре будет старый цирк?

— Будет. Проект уже утвержден, деньги нам дали, а строить будут финны.

Какая компания?... Когда строили Ла-Манш, решили сделать тоннель под каналом. Объявили конкурс, кто будет прокладывать этот тоннель, какая компания возьмется. Тут пришел маленький одессит с лопатой и говорит: «Я пришел рыть вам тоннель под Ла-Маншем». Его спрашивают: «А что за компания?» — «Мы в компании с братом». — «Как же вы будете копать?» А он говорит: «Брат будет из Англии, а я — из Франции. Встретимся — вот и будет тоннель». — «А если не встретитесь?» — «Ну, будет два тоннеля»...

Претендуют на строительство цирка три компании. А выберем того, кто будет строить интересней.

Но сейчас самое главное — сделать нулевой цикл — фундамент. Дело в том, что копать котлован должны наши строительные организации. А они еще пока собираются.

— А почему нужно было сносить здание цирка?

— Это здание построено 107 лет назад! Представляете, уже больше века стоит! Тогда ни парового отопления, ни электрического света не было. При керосиновом освещении выступали.

Последние 7—8 лет пожарники постоянно закрывали здание, как пожароопасное, не отвечающее нормам. Но каждый раз удавалось уговорить и отложить закрытие. Ну, еще на год, еще на два. А потом поняли, что если так откладывать, то никогда и не закроем.

Нельзя было больше в таком здании работать. Ведь оно постепенно расширялось, обрастало хозяйственными постройками, а само старело — перекрытия гнили, трубы ржавели. Когда сломали крышу — между балками обнаружили слой вековой пыли. Хоть и ремонтировали здание, а все равно это был косметический ремонт — снаружи подкрашивали, обновляли.

Поэтому реконструкция здесь не помогла бы. Да никто и не согласился ее делать — это дороже и тяжелее. Ведь основа вся сгнила.

— Юрий Владимирович, сейчас в цирковом искусстве сложилась довольно напряженная ситуация, о чем уже не раз писали и продолжают писать. В театрах с 1 января начинается эксперимент, цель которого — вывести театры из кризиса, изменить положение к лучшему. А что, по вашему мнению, надо сделать в цирке?

Какое там искусство! Какой там смех! Только бы скорее! Ноги еле волочил, хотя и молодой тогда был.

Не надо из цирка делать источник дохода, думать нужно больше о том, что показываешь, и нести людям полноценную работу.

Конечно, возродится искусство цирка. Лет через сто историк напишет, что восьмидесятые годы отмечаются некоторым спадом в цирковом искусстве, в том числе в клоунаде. Но потом добавит: зато в начале девяностых годов появились такие-то и такие-то артисты, которые дали новое направление...

Я в это верю. Я оптимист.

— КОГДА снесли здание цирка, я думала: интересно, чем же теперь занимается директор, наверное, у него появилось много свободного времени? А сейчас поняла, что строить новый цирк не менее тяжело, чем руководить старым. Но если все-таки бывает свободное время, чем вы его заполняете?

— Книгами. Читаю только на ночь и стараюсь делать это каждый день.

Недавно прочитал «Миллион лет до нашей эры» братьев Стругацких. Из наших фантастов это мои любимые писатели.

А вообще собираю зарубежную фантастику. Все, что у нас издавалось, собрал. Даже из журналов вырезаю и потом переплетаю. Азимов, Саймак, Бредбери. Очень интересно.

— Недавняя ваша самая большая радость?

— Моя команда, за которую я болею с 1936 года, московское «Динамо», которое швыряли, и оно было на грани перехода в другую лигу, сейчас на втором месте! Мне больше ничего не надо. Я рад. По моему, сейчас класс футбола растет в отличие от цирка.

А постоянная моя радость — это, конечно, внуки.

— Они еще не мечтают стать клоунами?

— Внушке Маше уже пять лет. Она обожает цирк и знает всех клоунов. Когда смотрит представление по телевизору, спрашивает: «Дедуля, а Марчевский будет?» Ей Марчевский очень нравится.

А внуку 29 декабря исполняется полгода — он пока о цирке не думает.

— Недавно в магазине увидела игрушку, которую надевают на руку, как в кукольном театре. И в ней с трудом узнала вас...

— Это страшная вещь. Когда мне принесли, я ахнул. Там еще была приклеена этикетка, и на ней написано: «Балбес-Никулин. 1 рубль 35 коп.». Помню, как-то сделали мою фигурку из дерева, таким столбиком, шляпочка... — это было симпатично. Но когда такие штуки делают... Причем меня ведь не спрашивают.

В Ленинграде тоже сделали из пластмассы — «клоун Никулин» — руки и ноги на веревочках. Страшно-а-тенский...

ЮРИЯ Владимировича как-то спросили: «Чем вы отличаетесь от других клоунов?»

«Я стал директором».

Любопытно было наблюдать за любимым клоуном в должности директора. Мне все казалось, что это просто Никулин в новой роли.

В репризе «Бревно» он подчинялся, а теперь вот сам командует. Правда, за это время у него сменилась публика и само «бревно» стало гораздо тяжелее, а так, все по-прежнему: несет свой цирковой груз. Уже до 65 лет донес.

А. ПЕРЕВАЛОВА.